

DOI: 10.31857/S086919080015513-1

ДИСКУРСНАЯ ВЛАСТЬ КИТАЯ: ИНСТРУМЕНТЫ И СТРАТЕГИЯ

© 2021

М.А. КОБЗЕВА ^a

^a – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0001-6054-4374; m.kobzeva@spbu.ru

Резюме: Сегодня Китай стремится активно участвовать в формировании международной политической повестки, норм и правил взаимодействия государств. Эта деятельность является одним из главных направлений политики КНР по укреплению международной дискурсной власти. Несмотря на то, что исследования информационной политики Китая многочисленны, дискурсная власть пока остаётся вне фокуса исследователей, публикующих работы на русском и английском. В связи с этим автор исследует, как именно КНР интерпретирует понятие дискурсной власти, почему, как и с какой целью её реализует.

В статье проведён анализ литературы и источников на русском, английском и китайском языках по теме дискурсной власти; изучено происхождение термина в китайском дискурсе и оформление его в качестве политической задачи; изучены основные ведомства и организации, ответственные за формирование дискурсной власти, а также инструменты и механизмы её реализации. Автор выявляет «мягкий» и «жесткий» варианты реализации дискурсной власти Китая, поясняет различие целей и методов, приводит примеры из внешнеполитической практики КНР.

Автор приходит к выводу, что необходимость в появлении дискурсной власти, объединившей различные методы информационной политики Китая, возникла в связи с острой внутривластной борьбой и новыми амбициями страны на международной арене. Развитие дискурсной власти как политического явления подпитывают идеи всё более жесткой оппозиции Западу. В этой связи дискурсная власть становится важным инструментом противостояния Китая и США в условиях меняющегося баланса сил.

Ключевые слова: дискурсная власть, КНР, политика Китая, китайская пропаганда, мягкая сила, право голоса.

Для цитирования: Кобзева М.А. Дискурсная власть Китая: инструменты и стратегия. Восток (Oriens). 2021. № 4. С. 173–184. DOI: 10.31857/S086919080015513-1

CHINA'S DISCOURSE POWER: INSTRUMENTS AND STRATEGY

© 2021

Mariia A. KOBZEVA ^a

^a – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0001-6054-4374; m.kobzeva@spbu.ru

Abstract: Today China actively participates in shaping the international political agenda, norms and rules for interaction between states. This activity is a part of the PRC's policy to strengthen its international discourse power. Despite the fact that there are many studies of China's propaganda politics, discourse power remains outside of the focus of researchers both in

Russian and English-speaking communities. The term has varying interpretations and translations in non-Chinese academic literature. In this regard, the article examines the meaning of this term and answers questions – how, why, and for what purpose does the PRC implement its discourse power.

The article analyzes research literature and documents in Russian, English, and Chinese languages regarding the discourse power, the origin, and the development of the term in Chinese discourse, and using it as a political task. The article studies the main departments and organizations responsible for the formation of the discourse power, as well as tools and mechanisms for its implementation. The author identifies “soft” and “hard” variants of China’s discourse power, explains the difference in their goals and methods via giving examples from the PRC’s foreign policy.

The author concludes that the need for discourse power, which combines various methods of China’s policy, is due to the acute internal political struggle, and the country’s new ambitions in the international arena. The development of discourse power as a political phenomenon is fueled by the ideas of opposition to the “West”. In this regard, discourse power is becoming one of the most important counterweapons in competition between China and the United States.

Keywords: discourse power, China, China’s politics, Chinese propaganda, soft power, voting right.

For citation: Kobzeva M. China’s Discourse Power: Instruments and Strategy. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 173–184. DOI: 10.31857/S086919080015513-1

Сегодня Китай стремится привнести в международный дискурс собственные принципы и концепции и укрепить свою роль в глобальном управлении. Активная позиция Пекина неизбежно становится вызовом Вашингтону в сложившейся системе американского доминирования. Поскольку даже «мягкие» способы продвижения китайских культурных ценностей воспринимаются в мире всё с большим недоверием, у руководства КНР возникла потребность разработать более эффективную стратегию. Так во внешней политике страны появился новый инструмент, дискурсная власть (на кит. «хуаюйцюань», 话语), которая, по некоторым оценкам, вскоре потеснит «мягкую» силу [Денисов, 2020, с. 42–43]¹.

Идея о дискурсной власти по-новому упорядочила инструменты и механизмы продвижения инициатив КНР на международной арене. Сегодня изучение феномена может пролить свет на долгосрочные мотивы и цели внешней политики Китая. Особую актуальность такое исследование представляет для России, развивающей стратегическое партнёрство с КНР. В рамках тесного взаимодействия необходимо точно понимать позицию партнёра по ключевым вопросам международной повестки дня. Однако дискурсная власть Китая пока находится вне фокуса внимания российского научного сообщества и западных экспертов [Денисов, Адамова, 2017, с. 76–78]. До сих пор не сложилось однозначного мнения о сути и значении этого явления китайской политики.

В отечественной литературе дискурсную власть рассматривают как «смысловую аранжировку» внешнеполитических инициатив, которую осуществляют совместно руководство страны, китайские СМИ и экспертное сообщество [Песцов, 2017, с. 155–157]. В единственной работе, непосредственно посвящённой китайской дискурсной власти, отмечена её стратегическая роль как инструмента продвижения новых норм на международной арене

¹ На английский язык термин переводят как «right to speak», «right to voice», «discourse right», «discourse power». В отечественных работах встречаются такие варианты перевода, как «дискурсивная сила», «дискурсная власть» и «право голоса».

[Денисов, 2020, с. 78]. В ряде публикаций рассмотрены отдельные направления развития китайского дискурса: влияние нового характера выступлений китайских дипломатов на формирование отношений страны с Европой [Litvak, Pomofova, 2021], вклад публикаций экспертов в формирование политики страны в Арктике [Кобзева, 2017, с. 972].

Среди англоязычных работ термин интерпретируется как манипуляция фактами, совершаемая китайским правительством, с целью навязать свою позицию собственным гражданам и либеральной общественности западных стран. [Gustafsson, 2014, p. 424–426]. В целом же понятие «дискурсная власть» оценивается как инструмент манипуляции общественным мнением и даже оружие информационной войны [Kania, 2016]. Стоит отметить, что зарубежные дискуссии постепенно пополняются публикациями китайских учёных. Можно отметить работу Кэцзинь Чжао, эксперта Центра глобальной политики Карнеги-Цинхуа, в которой он описал стратегию развития дискурсной власти как «подачу фактов, введение новаторских правил и прорывы в социальной практике» [Zhao, 2016, p. 547]. Тем не менее в англоязычной литературе полноценной работы, посвящённой этому явлению китайской политики, до сих пор не опубликовано.

На этом фоне контрастно выделяется активная работа экспертов КНР. Руководство страны поддерживает исследования по этой теме, выделяя специализированные государственные гранты. В этой связи существует множество работ китайских учёных на тему дискурсной власти [Wang, 2015, p. 175]. Подробно описаны истоки, цели, возможности и направления реализации *хуаюйцюань* на международной арене, а также её роль для продвижения национальных интересов в отдельных сферах внешней политики. В частности, немало работ посвящено возможностям использования дискурсной власти для продвижения инициативы «Пояс и путь» и в рамках новых направлений политики, например, в Арктике [Дин Хуан, Чжан Чун, 2016, с. 78–79]. Особое внимание эксперты уделяют роли научного сообщества Китая и мозговых центров для развития дискурсной власти страны [Госсовет КНР, 2015(2)].

Вышесказанное подчёркивает существенный пробел в отечественной науке о китайской дискурсной власти на фоне активной работы учёных КНР. В этой связи цель нашей работы – оценить суть и значение этого относительно нового феномена китайской внешней политики и описать стратегию его развития.

Изучение явления дискурсной власти КНР невозможно без анализа работ китайских экспертов и официальных документов, в которых обозначены её цели, принципы, инструменты и механизмы реализации. В связи с этим материалом предлагаемого исследования стала совокупность работ отечественных, зарубежных и китайских экспертов, а также китайских источников. Источниковая база включает публикации официальных СМИ (Жэньминь Жибао), а также сайтов госструктур КНР (Госсовет, Министерство иностранных дел, ЦК КПК): государственные документы и выступления официальных лиц КНР, а также экспертные мнения, опубликованные на сайтах ведомств и отражающие позицию КПК по дискурсной власти.

ДИСКУРСНАЯ ВЛАСТЬ И ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Термин «дискурсная власть» заимствован китайскими учёными из работ европейских авторов, в частности М. Фуко, который ввёл понятие «дискурсной практики» и стал одним из пионеров исследований взаимоотношений дискурса и власти. В ряду исследователей, благодаря которым термин оказался известным широкой аудитории, стоит отметить и Тён ван Дейка. Ван Дейк определял дискурсную власть как использование риторических средств убеждения, формирование дискурса путём привнесения в него новых концепций

(символов), процесс мобилизации дискурсов, а также контроль над дискурсом [ван Дейк, 2013, с. 86].

Для китайской политической мысли этот термин и связанная с ним теоретическая основа оказались привлекательными и достаточно гибкими, чтобы использовать их в национальном дискурсе. Обосновывая необходимость развития международной дискурсивной власти КНР, эксперты апеллировали к идеям М. Фуко о дискурсивных практиках и роли дискурса в осуществлении власти. Фундаментальное осмысление термина позволило учёным связать разработки М. Фуко и Ж. Дерриды о значении и закономерностях развития дискурса с идеями Дж. Ная о «мягкой» силе, тезисами Мао Цзэдуна о важности идеологии в формировании права голоса страны на международной арене, а также мыслями и инициативами Си Цзиньпина. Термин стал популярным в среде китайских философов-марксистов, занятых проблемой новой роли Китая на международной арене.

При этом, как отмечает Денисов И.Е., трактовка изначальных тезисов, предложенных Фуко и другими философами, самая вольная. Продолжая традицию, сложившуюся на излете правления последней китайской династии Цин, достижения западной науки призваны служить утилитарным дополнением для китайского базиса, что бы в него ни включали руководители страны (идеи превосходства Среднего царства или конфуцианство и марксизм) [Денисов, 2020, с. 44]. Таким образом заимствованные из западного дискурса формулировки облегчают восприятие китайских идей, увеличивают их шанс быть услышанными. В то же время в содержательном плане синтез этот весьма условный.

Развитие понятия «дискурсивной власти» как инструмента китайской политики имеет более чем десятилетнюю историю, и важную роль в этом процессе сыграло руководство страны. Одно из первых заявлений на эту тему сделал в 2008 г. премьер Госсовета Вэнь Цзябао. В своей речи на церемонии открытия 3-го Китайско-российского экономического форума деловых кругов на высоком уровне он отметил необходимость развивать дискурсивную власть КНР в отношении международной финансовой политики [Жэньминь Жибао, 2008].

В 2010 г. Ли Чанчунь, на тот момент ответственный за идеологическую работу КПК, в рамках Всекитайской рабочей конференции начальников отделов пропаганды и агитации отметил значение дискурсивной власти как инструмента мягкой силы Китая, а также её роль во внешней пропаганде. Затем понятие появлялось в выступлениях и статьях других высокопоставленных лиц (Ху Цзиньтао, Лю Яньдуна – тогда вице-премьера Госсовета, Ли Чанчуня и пр.). Термин вошёл в официальную риторику и оказался прочно связанным с идеологией КПК, представлением о «мягкой силе» и роли Китая в формировании международного политического дискурса [Сунь Цишэн, 2019, с. 20–25, 36].

Особый акцент на развитие дискурсивной власти на международной арене китайское правительство стало делать после 18-го съезда КПК. Сегодня термин звучит в словосочетании «международная дискурсивная власть» Китая (国际话语权), и под ним подразумевают те идеи, которые КНР предлагает внешнему миру. Используется и смежный термин, который дословно переводится как «право голоса» или «свобода слова» (发言权). Кроме того, в политических документах прибегают к понятию «создание системы внешнего дискурса» (对外话语体系建设), а также более узкому термину «институциональная власть» (制度性权力), подразумевающему представленность и «вес» голоса Китая в международных организациях [Госсовет КНР, 2013]. В целом понятие «дискурсивная власть» в китайской интерпретации сочетает в себе институциональное право голоса (то есть право выражать своё мнение и формулировать правила в рамках международных организаций) и дискурсивную силу, связанную с привлекательностью идей для международного сообщества.

Формирование дискурсивной власти КНР – зона ответственности ЦК КПК. Процесс принятия решений на этом направлении носит исключительно закрытый характер. Распределение

задач между ведомствами осуществляет Центральная руководящая группа пропаганды и идеологии. Группа объединяет руководителей основных организаций, ответственных за формирование имиджа страны: Отдела пропаганды, Министерства культуры, крупнейших китайских СМИ [Zhao, 2016, p. 554–558].

Реализация выработанной политики внутри страны – задача Отдела пропаганды ЦК КПК, Центральной руководящей комиссии по построению духовной цивилизации, Управления по вопросам киберпространства КНР, а также СМИ. КПК постепенно ужесточает контроль за информационным пространством внутри страны [Bates, 2020, p. 109–110]. При этом нагнетание антизападной риторики и возвращение культа Си как «сердцевины» партии и нового «кормчего» укрепляет партийную дисциплину и консолидируют общественное мнение [Lams, 2018, p. 387]. Коронавирусная пандемия предоставила КПК ещё больше возможностей и ресурсов для ужесточения контроля на новой волне противостояния «Западу» [ТАСС, 2020].

На международную аудиторию нацелена работа Отдела пропаганды ЦК КПК, международных отделений китайских СМИ (Информационного агентства Синьхуа, Центрального телевидения Китая, Международного радио Китая, и пр.), ведомств, включённых во внешнюю политику (Министерства иностранных дел, Народно-освободительной армии Китая, и пр.), и Рабочего отдела Единого фронта (подчиняется ЦК КПК). Работу Единого фронта по продвижению дискурсной власти стоит выделить особо.

С подачи Мао Единый фронт (ЕФ)² получил статус «волшебного оружия Китая» (наряду с вооружённой борьбой и партийным строительством) [Госссовет КНР, 2015(1)]. Суть работы организации – вовлечение беспартийных интеллектуалов в орбиту китайской политики. В фокусе внимания Единого фронта граждане китайского происхождения, не входящие в ряды КПК, проживающие в регионах с особым статусом, таких как Гонконг, Тайвань, Тибет, Синьцзян, или за рубежом. Целью Единого Фронта является предотвращение «подрывной деятельности» против КНР со стороны таких граждан и формирование лояльных КПК умонастроений. Примкнувшие к ЕФ могут рассчитывать на поддержку в решении частных проблем, например, связанных с интеграцией на новом месте. Объектом особого внимания Единого Фронта являются беспартийные интеллектуалы и люди высокого положения. Их личная позиция, озвученная иностранной публике, способна влиять на общественное мнение. Таким образом, члены ЕФ вольно или невольно принимают участие в укреплении международной дискурсной власти Китая [Kynge et al., 2017].

Существенный вклад в развитие китайской дискурсной власти традиционно вносят СМИ – «рупор партии». С 2007 г. в рамках «большой внешней пропаганды» – новой политики, объявленной Ху Цзиньтао (председатель КНР, 2003–2013), китайские медиа получили внушительную государственную поддержку для работы с международной аудиторией. При этом если ранее пропаганда китайского социализма была более прямолинейной и потому вызывала отторжение у международной публики, то сейчас перед СМИ стоит задача распространять «китайские взгляды» с учётом культурной специфики аудитории, не связывая их с КПК напрямую. Замечено, что агентство Синьхуа чаще публикует критические материалы на языке той аудитории, для которой затрагиваемые темы являются особенно острыми (например, о проблемах Франции на французском). В то же время любые статьи о Китае на любых языках почти исключительно описывают успехи КНР и прогрессивный подход её граждан к ключевым вызовам современности, от потепления климата до инноваций в образовании [Brazys, Dukalskis, 2020, p. 64]. По-прежнему актуальна и «правильная» интерпретация ключевых событий. В случае необходимости она допускает умолчание

² Патриотический единый фронт китайского народа (сокращённо Единый фронт) — политическое объединение под руководством КПК.

или некорректный перевод заявлений с целью преподнести информацию в выгодном для Китая свете (как, к примеру, было в случае перевода заявления М. Захаровой в отношении результатов арбитражного суда Гааги по иску Филиппин относительно территорий в Южно-Китайском море) [Денисов, Адамова, 2017, с. 78, 82].

В этой связи стоит отметить, что условия пандемии дают китайским СМИ уникальный шанс для продвижения международной дискурсной власти. Ещё во время эпидемии атипичной пневмонии в 2003 г. СМИ взяли на себя роль информационного барьера, замалчивая информацию и смещая общественное внимание с ошибок руководства КПК на критику провинившихся чиновников и полемику с Западом [Zhao, 2016, p. 558]. Новая пандемия оказалась ещё более масштабной и сегодня (конец 2020 г.) китайские медиа играют важную роль в стремлении Китая удержать внутривнутриполитическую стабильность любой ценой и в его борьбе за лидерство на глобальной арене. Для информирования целевой аудитории всё активнее применяются соцсети, в том числе, запрещённые в КНР «Твиттер» и «Фейсбук». Китайские СМИ и чиновники активно используют аккаунты в этих соцсетях, чтобы высказать «частное мнение» по особенно острым вопросам, включая пандемию COVID-19 [Litvak, Pomozova, 2021]. Показательным стал пост посла Китая в Южной Африке Чэнь Сяодуна в Твиттере о предположительно некитайском происхождении вируса, и последовавшие спекуляции [Bates, 2020, p. 100–101; Chen, 2020].

Ещё одним ресурсом для продвижения дискурсной власти является экспертное сообщество. Учёных призывают предлагать идеи и распространять их для китайской и международной аудитории. В этой связи растёт количество китайских государственных грантов и соответственно количество и качество публикаций экспертов КНР, в том числе адресованных международной аудитории (то есть опубликованных на английском языке и в ведущих международных изданиях). В то же время формирование «правильного» дискурса и жёсткая цензура консервируют китайскую политическую мысль. Это особенно заметно в работах, публикуемых вслед за каким-либо государственным документом: концепции, сформулированные руководством, не обсуждаются, а лишь повторяются в виде цитат. Кроме того, авторы обязательно делают реверансы в сторону партии и Си Цзиньпина, подчёркивая их мудрость и прозорливость. Тем не менее до публикации официального документа простор для дискуссий шире, что даёт возможность отслеживать влияние экспертного дискурса на политику [Кобзева, 2017, с. 214–217].

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСНОЙ ВЛАСТИ КНР

Дискурсную власть возможно отнести к инструментам мягкой силы. Как писал Дж. Най, «нарративы становятся валютой мягкой силы», а дискурсная власть призвана создавать их, направлять, и корректировать [Nye, 2011, p. 105]. Тем не менее, в китайской интерпретации тема дискурсной власти строится на противопоставлении политической системы и ценностей КНР западным и потому является высоко политизированной. В этой связи сам термин применяется как в самом мягком контексте, связанном с задачей преодолеть восприятие Китая как угрозы для международного сообщества, так и в экстремально враждебной риторике, где дискурсная власть рассматривается как оружие против гегемонии Запада. Соответственно, варьируется и набор инструментов реализации дискурсной власти.

Мягкий вариант реализации дискурсной власти связан с восприятием Запада как оппонента КНР, но не противника. В этой перспективе причиной недоверия западных стран к Китаю считается недостаточная работа КПК по информированию международной аудитории. Пока по историческим и экономическим причинам руководство КНР не уделяло развитию дискурсной власти особого внимания, Китай оставался в стороне от глобальной

повестки дня. Однако экономический рывок и «выход вовне» произошли так быстро, что сформировался идейный вакуум, и его заполнили опасения других государств по поводу истинных намерений КНР [Сунь Цзишэн, 2019, с. 19–20]. Теперь руководство КПК ставит задачу «рассказывать хорошие истории о Китае», усилить голос Китая в мире, тщательно конструировать дискурс, повышать его привлекательность, а также максимально точно переводить китайские идеи и термины [Китайская метеорологическая администрация, 2018].

В этой перспективе дискурсная власть нацелена не на борьбу, а на соревнование с Западом. Предполагается, что проснувшийся Китай внесёт в мировой дискурс идеи, отражающие глубину и древность его культуры и философии, тем самым дополнит и усовершенствует международную систему. Результатом усилий станет более «справедливый» и «разумный» миропорядок [Денисов, Адамова, 2017, с. 83–85].

В этой интерпретации развитие международной дискурсной власти представляется как игра (с позиции теории игр), результаты которой влияют на легитимность актора. Международное право интерпретируется как отражение существующей доминанты западного дискурса. Соответственно укрепление собственной дискурсной власти позволит КНР изменить восприятие легитимности Китая как актора на международной арене. Показателями укрепления дискурсной власти могут считаться формирование новых международно-правовых норм или стандартов, инициированных Китаем (например, в сфере технологий 5G), принятие резолюций ООН, которые упоминают китайские ценности и принципы (в частности, «Резолюция СБ ООН 2344» по афганскому вопросу, проекты двух резолюций о неразмещении первыми оружия в космосе, резолюция «Дальнейшие практические меры по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве»); усиление позиций КНР рамках глобального экономического управления (например, увеличение квоты Китая в МВФ на 50%) [Чжан Чжичжоу, 2020, с. 126–129].

С 2000-х гг. сфера применения дискурсной власти существенно расширилась. Первоначально она развивалась в контексте проблем регионального лидерства, поддержки идей многополярности и возможности влияния КНР на международные финансовые институты. Сегодня дискурсная власть ориентирована и на новые для Китая сферы, такие как освоение Арктики, космоса, развитие информационной и кибербезопасности. Кроме того, дискурсную власть рассматривают как инструмент успешной реализации «Пояса и пути», а также продвижения политики КНР по разрешению территориальных конфликтов в Южно-Китайском море [Чжан Чжичжоу, 2020, с. 126–129].

Основными инструментами укрепления дискурсной власти становятся распространение информации об инициативах и политических идеях КНР в рамках международного дискурса и формирование имиджа КНР как ответственной державы, готовой защищать права развивающихся стран и недемократических режимов. Особую роль в развитии дискурсной власти Китая играет его ключевая международная инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП). Поскольку ОПОП реализуется на территории многих государств, это определяет необходимость постоянной информационной поддержки, адресованной международной аудитории. А именно, требуется извещать публику о реализуемых проектах и пояснять преимущества сотрудничества в рамках ОПОП. В этой связи инициатива становится стержнем новой информационной политики КНР, аккумулируя вокруг себя идеи и нарративы [Liu, 2020, p. 179]. При этом само понятие «Пояса и пути» так или иначе уже прочно вошло в международный дискурс, что укрепляет китайскую повестку дня на международной арене.

Особый вклад вносит активное лоббирование интересов страны в рамках организованных Пекином диалоговых механизмов (например, Форум «Один пояс и один путь») и других международных форумов и организаций, прежде всего ООН. На этом пути Китай достиг определённых успехов. Достижением стало включение идеи о «сообществе единой

судьбы человечества», а также проекта «Пояс и путь» как благоприятного для развития участвующих в нём стран, в ряд резолюций ООН от 2017 г., упомянутых выше.

Таким образом, дискурсная власть как часть мягкой силы реализуется благодаря высказываниям и публикациям политиков, учёных, СМИ, и участников народной дипломатии. Их усилия позволяют «достигать желаемых результатов путём совместных действий, задающих политическую повестку дня, а также путём убеждения и привлекательности» [Nye, 2011, p. 83, 106].

Жёсткий вариант реализации дискурсной власти означает отстаивание права на дискурс и борьбу за доминирование в нём [Lams, 2018, p. 394, 405]. В такой интерпретации перед Китаем стоит задача преодолеть дискурсную гегемонию Запада, ситуацию, когда, по выражению китайских чиновников, «Запад сильный, а мы слабые» [Liu, 2020, p. 171]. Этот вариант предполагает активное противостояние западным нормам и ценностям вплоть до информационной войны (войны мнений, дискурсов), войны в правовой сфере и психологической войны [Kania, 2016].

Развитие дискурсной власти в таком контексте связано прежде всего с необходимостью решения острых внутриполитических проблем. Дискурсная власть, во-первых, становится инструментом борьбы КПК с элементами «прозападного разложения» (теми, кто придерживается идей конституционной демократии, гражданского общества, высказывает сомнения или критику в отношении КПК и идей «социализма с китайской спецификой», и пр.) [Lams, 2018, p. 400]. Во-вторых, она служит цели подавления сепаратистских настроений и инакомыслия в связи с наиболее острыми внутриполитическими проблемами КНР: положением Гонконга, Тайваня, Синьцзяна и Тибета. В-третьих, для внешнего мира, дискурсная власть становится инструментом «креативного вмешательства» в международную политику и борьбы за лидирующие позиции КНР [Хэ Гуанцян, Сун Сюэцзюй, 2013, с. 51–53].

Противостояние «западным ценностям» предполагает наличие альтернативы. В этой связи развивается политическая полемика, прежде всего адресованная китайской аудитории. С одной стороны, идеологи КПК превозносят политическую систему и традиционные ценности Китая как основу социализма с китайской спецификой [Lams, 2018, p. 395; Xi, 2017, p. 366–370]. С другой стороны, они стремятся увидеть слабые места политической системы США и Европы, нередко прибегая к казуистике. Так, отстаивая «китайский вариант» демократии и критикуя монополию Запада на то, что следует называть демократией, идеологи КПК приходят к парадоксальным выводам. Преподносится мысль, что буржуазная демократия ценит только свободу выбора человека, что искажает истоки демократии Древней Греции. Китайская демократия, наоборот, является истинной преемницей идеалов античности [Чжоу Ядун, 2017].

Реализация дискурсной власти жёсткими методами осуществляется путём зарубежной пропаганды и за счёт формирования лояльных кадров вне страны, способных влиять на общественное мнение. Так, продвижение идеи мирного воссоединения с Тайванем по принципу «одна страна, две системы» перерастает в активную пропагандистскую деятельность в период очередных выборов на острове [Huang, 2020, p. 8]. Другим примером является непрозрачное лоббирование интересов КНР усилиями политиков китайского происхождения в Новой Зеландии [Brady, 2017]. Наконец, отметим, что дискурсная власть официально стала важной частью стратегии Народно-освободительной армии Китая [Kania, 2016].

Такой вариант реализации дискурсной власти превращает её из инструмента мягкой силы в оружие информационной борьбы. Это подразумевает в том числе поддержку оппозиционных СМИ и движений в других странах, дезинформацию и искажение правды с привлечением к подобной работе как гражданских структур, так и войск стратегической поддержки, в ответственность которых входят операции в киберпространстве [Huang, 2020, p. 23].

ВЫВОДЫ

Развитие дискурсной власти КНР последовало за экономическим рывком и стратегией «выхода вовне» и ознаменовало собой превращение Китая из политического наблюдателя в актора, формирующего международную повестку дня. Укрепление дискурсной власти КНР – не просто привнесение ценностей китайской культуры в международных дискурс, а попытка страны предложить новые ценности и принципы международного сотрудничества, альтернативные западным.

Однако стоит отметить, что если демократические ценности в различных вариациях формировались столетиями в рамках взаимодействия США и европейских стран, включая Россию, то китайский «улучшенный» мировой порядок – новый конструкт для западного мира. В частности, неясным остаётся суть идей КНР о более «справедливом» и «разумном» мировом порядке. Учитывая прагматичный подход Китая к международной политике, можно предположить, что приоритетной целью такого порядка является укрепление лидерства КНР. В этой связи китайская повестка лишь отчасти соответствует политическим интересам России: например, когда она касается принципов невмешательства во внутренние дела других стран и строительства многополярной системы.

Дискурсная власть имеет двоякую природу. С одной стороны, она является инструментом мягкой силы Китая, ориентирована на достижение долгосрочных целей, международный диалог и создание доверительных партнёрских отношений. В этой связи для продвижения своих идей на международных площадках Китай предпочитает использовать не понятие «дискурсная власть», а термин «право голоса», более мягкий и апеллирующий к чувству справедливости. В этом контексте основными инструментами укрепления дискурсной власти являются дипломатия, включая публичную дипломатию, развитие культурной привлекательности и законное лоббирование политических и экономических интересов.

С другой стороны, новый виток внутривластных противоречий в КНР и усиливающееся противостояние с США переводят дискурсную власть в разряд инструментов информационной борьбы. В этой связи дискурсная власть служит цели консолидации общественного мнения внутри Китая и за рубежом – в пользу КПК. Подобный вариант реализации дискурсной власти подразумевает использование всего спектра методов пропаганды, манипуляций и контроля информации с применением современных информационных технологий. Текущий момент пандемии оказался благоприятным для апробирования новых способов влияния на общественное мнение, в том числе, через популярные китайские и зарубежные соцсети.

В заключение отметим, что существенное запоздание отечественной науки в изучении проблемы дискурсной власти КНР может воспрепятствовать своевременному реагированию на вызовы, которые связаны с этим явлением. В условиях усугубившихся международных противоречий и катаклизмов система принятия решений КНР остаётся по-прежнему закрытой для всех наблюдателей. В этой связи изучение развития дискурсной власти Китая, включая регулярный мониторинг экспертного дискурса и СМИ, может стать важным источником информации о способе и целях продвижения идей КНР на международной арене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Госсовет КНР (中华人民共和国中央人民政府) 2015(1) Чжунгун Чжунъян Иньфа “Чжунго Гунчаньдан Гунъи Чжаньсянь Гунцзо Тяоли (Шисин)” (Центральный Комитет Коммунистической партии Китая издал «Положение о работе Единого фронта Коммунистической партии Китая (Пробная Версия)»). (中共中央印发《中国共产党统一战线工作条例（试行）》). 22.09.2015 [The State Council

of the PRC. Zhonggong Zhongyang Yinfu “Zhongguo Gongchandang Tongyi Zhanxian Gongzuo Tiaoli (Shixing)” (*The Central Committee of the Communist Party of China Issued the Regulation on the Work of the United Front of the Communist Party of China (Trial Version)*). 22.09.2015 (in Chinese)]. http://www.gov.cn/zhengce/2015-09/22/content_937054.htm (accessed: 05.11.2020).

Госсовет КНР (中华人民共和国中央人民政府). 2015 (2) Гуаньюй Цзяцян Чжунго Тэсэ Синьсин Чжику Цзяньшэ Дэ Ицзянь Цюаньвэнь (Мнения о продвижении создания нового типа «мозговых центров» с китайскими характеристиками (полный текст)) (《关于加强中国特色新型智库建设的意见》全文). 26.03.2015 [The State Council of the PRC. “Guanyu jiaqiang zhongguo tese xinxing zhiku jianshe de yijian” *quanwen*. (*Opinions on Strengthening the Construction of New Type Think Tanks with Chinese Characteristics* (full text)) 26.03.2015 (in Chinese)] <http://www.scio.gov.cn/zhzc/8/5/document/1397284/1397284.htm> (accessed: 12.11.2018).

Госсовет КНР (中华人民共和国中央人民政府). Чжунгун Чжунъян Гуаньюй Цюаньмянь Шэньхуа Гайгэ Жогань Чжунда Вэньти Дэ Цзюэдин. (Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая по нескольким важным вопросам всестороннего углубления реформ) (中共中央关于全面深化改革若干重大问题的决定). 15.11.2013 [The State Council of the PRC. *Zhonggong zhongyang guanyu quanmian shenhua gaige ruogan zhongda wenti de jue ding* (Decision of the Central Committee of the Chinese Communist Party on Several Important Issues of Comprehensive Deepening of reforms). 15.11.2013 (in Chinese)]. http://www.gov.cn/jrzq/2013-11/15/content_2528179.htm (accessed: 19.11.2019).

ван Дейк, Тён. *Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. М: ЛИБРОКОМ, 2013 [Teun A. van Dijk. *Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication*. Moscow: LIBROKOM, 2013 (in Russian)].

Денисов И.Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине. *Сравнительная политика*. 2020. Т. 11. № 4. С. 42–52 [Denisov I.E. The Concept of “Discursive Power” and the Transformation of Chinese Foreign Policy under Xi Jinping. *Comparative Politics*. 2020. Vol. 11. No. 4. Pp. 42–52 (in Russian)].

Денисов И.Е., Адамова Д.Л. Формулы внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2017. № 22. С. 76–89 [Denisov I.E., Adamova D.L. Xi Jinping’s Foreign Policy Formulas: Main Features and Problems of Interpretation. *China in World and Regional Politics (History and Modernity)*. 2017. No. 1. Pp. 76–89 (in Russian)].

Дин Хуан, Чжан Чун (丁煌, 张冲). Фань Бэйцзи Гунтунти Дэ Шэсян Юй Чжунго Шэньфэнь Дэ Суцзао—И Чжун Цзяньюй Чжун Дэ Цзеду (Видение Пан-Арктического сообщества и формирование китайской идентичности – интерпретация конструктивизма) (泛北极共同体的设想与中国身份的塑造——一种建构主义的解读). *Цзянсу Синчжэн Сюэюань Сюэбао* (*Журнал Института управления Цзянсу*). 江苏行政学院学报). 2016. № 4. Pp. 76–79 [Ding Huang, Zhang Chong. Fan beiji gongtongti de shexiang yu zhongguo shenfen de suzao—yi zhong jiangou zhuyi de jiedu (*Vision of the Pan-Arctic Community and the Formation of Chinese Identity – Constructivist Interpretation*) *Jiangsu xingzheng xueyuan xuebao* (*Journal of Jiangsu Administration Institute*). 2016. No. 4. Pp. 76–79 (in Chinese)].

Жэньминь Жибао (人民日报). Сешоу Кайсхуан Чжун Э Цзинмао Хэцэо Синь Цзюймянь Цай Ди Сань Цзе Чжун Э Цзинцзи Гуншан Цзе Гаофэн Луньтань Кайму Ши Шан Дэ Чжицы Чжунго Гоюань Цзунли Вэньцзябао (Сплотиться, чтобы создать новую ситуацию в китайско-российском торгово-экономическом сотрудничестве – выступление на церемонии открытия 3-го китайско-российского экономического и делового саммита. Речь премьер-министра Госсовета Китая Вэнь Цзябао) (携手开创中俄经贸合作新局面——在第三届中俄经济工商界高峰论坛开幕式上的致辞。中国国务院总理温家宝) Москва, 28.10.2008 [People’s Daily. Xieshou kaichuang zhong e jingmao hezuo xin jumian – zai di san jie zhong e jingji gongshang jie gaofeng luntan kaimu shi shang de zhici zhongguo guowuyuan zongli wenjiabao (To Unite to Create a New Situation in Sino-Russian Trade and Economic Cooperation – Speech at the Opening Ceremony of the 3rd China-Russia Economic and Trade Summit. Speech by Chinese Premier

Wen Jiabao) Moscow, 28.10.2008 (in Chinese)] http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2008-10/29/content_128180.htm (accessed: 19.11.2019).

Китайская метеорологическая администрация (中国气象局). Сицзиньпин Синьвэнь Юйлунь Гунцзо Силе Чжунъяо Цзяньхуа (Серия важных выступлений Си Цзиньпина о новостях и работе общественного мнения) (习近平新闻舆论工作系列重要讲话) 18.10.2018 [China Meteorological Administration. *Xijiping xinwen yulun gongzuo xilie zhongyao jianghua* (A Series of Important Speeches by Xi Jinping on News and Public Opinion Work). 18.10.2018 (in Chinese)] http://www.cma.gov.cn/2011xzt/2018zt/20181016/2018101601/201810160101/201810/t20181018_480653.html (accessed: 11.11.2020).

Кобзева М.А. Противоречия в оценках арктической политики КНР. *Конфликтология*. 2017. № 2. С. 201–219 [Kobzeva M.A. The Conflict in Assessments of China's Arctic Behaviors. *Konfliktologia* (= *Conflictology*). 2017. No. 2. Pp. 201–219 (in Russian)].

Песцов С.К. Дискурсная сила во внешней политике Китая: интерпретация и продвижение инициативы «Один пояс – один путь». *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2017. Т. 22. С. 155–164 [Pestsov S.K. Discourse Power in China's Foreign Policy: Interpretations and Promotion of the «One Belt – One Road» Initiative. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"*. 2017. Vol. 22. Pp. 155–164 (in Russian)].

Сунь Цзишэн (孙吉胜). Чжунго Гоцзи Хуаюй Цюань Дэ Суцзао Юй Тишэн Луцзин – И Дан Дэ Шиба Да Илай Дэ Чжунго Вайцзяо Шицзянь Вэй Ли (Путь совершенствования и формирования международной дискурсной власти Китая: на примере дипломатической практики Китая после 18-го Национального конгресса Коммунистической партии Китая) (中国国际话语权的塑造与提升路径——以党的十八大以来的中国外交实践为例) *Шицзе Цзинцзи Юй Чжэньчжи* (Мировая экономика и политика, 世界经济与政治). 2019. № 3. Pp. 19–43 [Sun Jisheng. Zhongguo guoji huayu quan de suzao yu tisheng lujing – yi dang de shiba da yilai de zhongguo waijiao shijian wei li (The Path to Shaping and Promoting China's International Discourse Power: Taking China's Diplomatic Practice Since the 18th National Congress of the Communist Party of China as an Example) *Shijie jingji yu zhengzhi* (World Economics and Politics). 2019. No. 3. Pp. 19–43 (in Chinese)].

ТАСС. Китай вводит новые правила национальной кибербезопасности. 28.04.2020 [TASS. *China Introduces New Rules for National Cyber Security*. 28.04.2020 (in Russian)] <https://tass.ru/ekonomika/8354091> (accessed: 17.10.2020).

Хэ Гуанцянь, Сун Сюэцзюй (何光强, 宋秀琚). Чуанцзаосин Цзежу: Чжунго Цаньюй Бэйцзи Дицюй Шиу Дэ Тяоцзянь Юй Луцзин Таньсо (Креативное вмешательство: поиск путей и условий участия Китая в международных отношениях в Арктике) (创造性介入: 中国参与北极地区事务的条件与路径探索) *Таипинъян Сюэбао* (Тихоокеанский журнал, 太平洋学报). 2013. Vol. 21. № 3. Pp. 51–58 [He Guangqiang, Song Xuju. Chuangzaoxing jieru: Zhongguo canyu beiji diqu shiwu de tiaojian yu lujing tansuo (Creative Intervention: Exploration of Conditions and Paths for China's Involvement in Arctic Affairs) *Таипинъян Сюэбао* (Taipingyang xuebao). 2013. Vol. 21. No. 3. Pp. 51–58 (in Chinese)].

Чжан Чжичжоу (张志洲). Наньхай Вэньти Шан Дэ Хуаюй Бои Юй Чжунго Гоцзи Хуаюй Цюань (Проблема Южно-Китайского моря с точки зрения игры дискурсов и международной дискурсной власти Китая) (南海问题上的话语博弈与中国国际话语权). *Таньсо Юй Чжэньмин* (Исследования и дискуссии, 探索与争鸣). 2020. № 7. Pp. 126–134 [Zhang Zhizhou. Nanhai wenti shang de huayu boyi yu zhongguo guoji huayu quan (Discourse Game and China's International Discourse Power on the South China Sea Issue). *Tansuo yu zhengming* (Exploration and Free Views). 2020. No. 7. Pp. 126–134 (in Chinese)].

Чжоу Ядун. Гоуцзянь Вомэнь Цзыцзи Дэ Миньчжу Хуаюй Тиси (Строительство нашей собственной системы демократического дискурса) (构建我们自己的民主话语体系). *Жэньминь Жибао* (人民日报) 20.06.2017 [Zhou Yadong. Goujian Women Ziji de Minzhu Huayu Tixi (Build Our Own Democratic Discourse System). *People's Daily*. 20.06.2017 (in Chinese)] <http://theory.people.com.cn/n1/2017/0630/c40531-29373312.html> (accessed: 18.11.2019).

- Bates G. China's Global Influence: Post-COVID Prospects for Soft Power. *The Washington Quarterly*, 2020. Vol. 43. No. 2. Pp. 97–115.
- Brady A.M. Magic Weapons: China's Political Influence Activities under Xi Jinping. Wilson Center, 2017. No. 18. <https://www.wilsoncenter.org/article/magic-weapons-chinas-political-influence-activities-under-xi-jinping> (accessed: 19.10.2019).
- Brazys S., Dukalskis A. China's Message Machine. *Journal of Democracy*, 2020. Vol. 31. No. 4. Pp. 59–73.
- Chen X. AmbCHENXiaodong. Twitter. 07.03.2020. <https://twitter.com/AmbCHENXiaodong/status/1236322524281044993> (accessed: 15.08.2020).
- Gustafsson K. Is China's Discursive Power Increasing? The «Power of the Past» in Sino-Japanese Relations. *Asian Perspective*, 2014. Vol. 38. No. 3. Pp. 411–433.
- Huang A. *Combating and Defeating Chinese Propaganda and Disinformation. A Case Study of Taiwan's 2020 Elections. Policy Analysis Exercise*. Harvard: Harvard Kennedy School. Belfer Center for Science and International Affairs, 2020.
- Kania E. *The PLA's Latest Strategic Thinking on the Three Warfares*. The Jamestown Foundation, 22.08.2016. <https://jamestown.org/program/the-plas-latest-strategic-thinking-on-the-three-warfares/> (accessed: 10.12.2019).
- Kynge J., Hornby L., Anderlini J. Inside China's Secret “Magic Weapon” for Worldwide Influence. *Financial Times*. 26.10.2017. <https://www.ft.com/content/fb2b3934-b004-11e7-beba-5521c713abf4> (accessed: 10.10.2020).
- Lams L. Examining Strategic Narratives in Chinese Official Discourse under Xi Jinping. *Journal of Chinese Political Science*. 2018. Vol. 23. No. 3. Pp. 387–411.
- Litvak N.V., Pomozova N.B. Chinese Diplomatic Discourse for Europe: A Change of Style. *Russia in Global Affairs*. 15.03.2021. <https://eng.globalaffairs.ru/articles/chinese-diplomatic-europe/> (accessed: 17.03.2020).
- Liu R.C. China's “Great Overseas Propaganda” Under the Belt and Road Initiative. *China's Search for 'National Rejuvenation': Domestic and Foreign Policies under Xi Jinping*. Ed. by Jabin T.J., Hoang T.A. Singapore: Springer, 2020. Pp. 169–183.
- Nye J. S. *The future of power*. New-York: Public Affairs, 2011.
- Wang H. Contextualising China's Call for Discourse Power in International Politics. *China: An International Journal*. 2015. Vol. 13. No. 3. Pp. 172–189.
- Xi, J. *Xi Jinping: The governance of China*. Vol. 2. Foreign Languages Press: Beijing, 2017.
- Zhao K. China's Rise Its Discursive Power Strategy. *Chinese Political Science Review*. April 2016. Pp. 539–564.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КОБЗЕВА Мария Артуровна –
кандидат политических наук, научный
сотрудник Санкт-Петербургского
государственного университета, Россия.

Mariia A. KOBZEVA, PhD in Political Science,
Research Fellow, Saint Petersburg State
University, Russia.